

Новые переводы

VR Мы перевели и опубликовали уже немало обзоров о состоянии экономической социологии в разных странах. Но преимущественно речь шла о Европе. И парадоксально, но мы никак не могли найти сколь-либо обстоятельного обзора ситуации в США, где экономическая социология сегодня занимает лидирующие позиции. Правда, в журнале (и в хрестоматии «Западная экономическая социология») появлялась знаменитая статья Р. Сведберга «Новая экономическая социология: что сделано и что впереди» (2004. Т. 5. № 4. С. 37–55). Но это был скорее обзор основных направлений новой экономической социологии, возникшей в США, нежели собственно страновой обзор. Наконец, нам удалось найти текст, в котором достаточно скрупулезно прослеживается история возникновения новой экономической социологии в США, сделанный через анализ основных поколений исследователей в привязке к конкретным университетам и исследовательским группам. Любопытно, что авторами данного материала оказались французы, среди многочисленных американских исследователей таких авторов не нашлось.

ОТКУДА ПОЯВИЛАСЬ НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ?¹

Бернар Конвер

Центр социологических и экономических исследований г. Лилля [Centre Lillois d'Etudes et de Recherches Sociologiques et Economiques (CLERSE)] и Университет Лилля – I

Йохан Хайлброн

Центр европейской социологии [Centre de sociologie européenne (CSE)], Париж и Университет Эразмус, Роттердам²

Перевод М.С. Добряковой

Научное редактирование В.В. Радаев

«Новая экономическая социология» – одно из наиболее активно развивающихся направлений американской социологии – очень быстро стала предметом для рассуждений, размышлений, дискуссий и споров, но как таковая еще не анализировалась с социологических позиций. В данной работе мы предлагаем проследить ее происхождение и развитие, задаваясь при этом более общим вопросом: как происходило становление новой отрасли социологии в американской университетской среде? Эндрю Эбботт [Andrew Abbott] недавно отметил, что если функционалистская трактовка, представляющая эволюцию специализаций как процесс их все более тонкой дифференциации, не позволяет объяснить возврат к прежним веяниям и циклические колебания, следует заново поставить перед собой вопрос о создании и воссоздании специализаций в рамках уже существующих дисциплин [Abbott 2001].

---

¹ *Источник:* Convert B., Heilbron J. Where does the new economic sociology come from? Рукопись любезно предоставлена нам авторами для перевода. – *Прим. науч. ред.*

² Авторы благодарят Ричарда Сведберга [Richard Swedberg] и Лоика Вакана [Loïc Wacquant] за их замечания.

Представляя собой относительно стабильные академические единицы, специализации встраиваются в ансамбль жестко структурированных национальных и международных институтов (дипломы, кафедры, факультеты, журналы, профессиональные ассоциации) [Heilbron 2004]. Для исследователей они образуют «коллективный капитал» специальных методов и понятий, доступ к которым обеспечивается соответствующим обучением [Bourdieu 2001: 129]. Внутри каждой дисциплины конкуренция за доминирующее определение научной практики порождает ту непрерывную динамику, которая лежит в основе процессов миграции в более перспективные области и которая возвышает одни специальности над другими, предлагая новые классификации и перетасовывая устаревшие рубрикаторы. Американская экономическая социология – свежий пример проявления подобной динамики, на котором можно проанализировать одновременно ее общие механизмы и особые качества, обусловленные как конкретными обстоятельствами, так и специфическим американским контекстом.

Й. Шумпетер описывал отношения, установившиеся между социологией и экономической теорией, как «взаимное игнорирование». Однако долгое время «экономическая социология» являлась общим полем для множества авторов – и социологов, и экономистов. Словосочетание «экономическая социология» и сам этот проект восходят к концу XIX в. – к тому моменту, когда социальные науки институционализировались в качестве университетских дисциплин и выстраивали свои ключевые предметные блоки. В ряду авторов, внесших в это свой вклад, пытавшихся определить данную область и выделить ее специфику, находятся М. Вебер, Г. Зиммель, Э. Дюркгейм, Ф. Симиан, М. Хальбвакс, В. Парето, Й. Шумпетер, Т. Веблен³. Однако в ходе разделения дисциплин, последовавшего в XX столетии, и их соответствующего обособления междисциплинарные области все более вытеснялись на периферию. В рамках социологии экономическая социология постепенно все более маргинализировалась. Социология труда и индустриальная социология охватили ее предмет лишь частично (включив анализ производственных организаций, «человеческих отношений»), предоставив экономистам монополию на исследование структуры рынков, ценообразования, денежной сферы... Аналогичный процесс внутреннего закрытия дисциплины происходил и в экономической теории. Несмотря на то, что глашатаи маргиналистской революции показали важность экономической социологии (У. Дживонс) и внесли значительный вклад в ее развитие (В. Парето), последующие поколения экономистов все больше склонялись к мысли о том, что экономическая теория – это наука о рациональном выборе, в то время как социология изучает нерациональное действие. Подобное разграничение оправдывало сложившееся академическое разделение труда, в результате которого институциональный и исторический подходы исчезли из ядра экономической теории.

Как же объяснить восстановление экономической социологии в условиях подобного дисциплинарного разделения? Идет ли речь просто о (пере)именовании, проявлении академической дипломатии в университетской среде, в которой до сего момента господствовала экономическая теория, или же о наступлении социологов, стремящихся отвоевать область, ключевую для понимания современного социального мира? Помимо эмпирических вопросов и их интерпретации мы затронем также более общую проблему социальной динамики академических специальностей. Одним из ключевых здесь является вопрос, можно ли объяснить возникновение «новой экономической социологии» в рамках анализа на микроуровне, который господствует в социологических подходах к научным дисциплинам. Показав недостаточность различных микроуровневых подходов, мы продемонстрируем, что только более общий структурный подход к анализу академических областей позволяет понять ту микродинамику, которая привела к созданию новой экономической социологии.

---

³ Об истории экономической социологии см.: [Gislain, Steiner 1995; Swedberg 1994].

Чтобы проследить происхождение и динамику данной дисциплины, мы обратимся к группе «ключевых авторов», отобранных по принципу их участия в основных для формирования данного академического направления событиях – в публикации трех коллективных сборников⁴ и двух хрестоматий⁵, в работе семинара по экономической социологии, проходившего при поддержке Фонда Рассел Сейдж (см. ниже) и, кроме того, их упоминания в числе «ключевых фигур» в первых обзорах зарождающейся дисциплины⁶. Таким образом, в нашу выборку вошел 31 автор, каждый из которых имел отношение по крайней мере к двум из названных «событий»⁷ (см. табл. 1). У каждого автора мы запросили автобиографию и перечень публикаций. Чтобы понять структуру внутренних взаимоотношений в группе и ее последующую эволюцию, мы проанализировали практики взаимного цитирования за период 1980–2000 гг. Наконец, у трех авторов мы взяли специальные интервью.

Упадок и возрождение американских социальных наук

Первые работы, в которых говорилось о «новой экономической социологии», появились в США еще в 1970-е гг. В то время этот термин не использовался, и работы, ставшие пионерными для данной дисциплины, были выявлены лишь задним числом. Они появились в период кризиса и последовавшего за ним возрождения американских социальных наук. В 1970-е гг. завершилась гегемония парсонсоновского функционализма, или, в целом, «главенствующей триады», на протяжении многих лет доминировавшей в американской социологии: Т. Парсонса, Р. Мертона и П. Лазарсфельда [Bourdieu 1988: 773–788; Bourdieu 2001: 41]. Разрыв с этим ортодоксальным направлением сопровождался чередой попыток обновления данной дисциплины, обусловленных стремительным увеличением численности студентов и аспирантов, щедрой финансовой поддержкой и определенным интересом к ней общественности. Отчасти это движение обновления было связано с укреплением позиций «новых левых» и протестными движениями среди американских студентов поколения послевоенного «бэби-бума».

Количество защищаемых в год диссертаций по социологии увеличилось в США со 150 в 1960 г. до более 700 в 1976 г. За эти же годы численность членов Американской социологической ассоциации удвоилась. В 1960–1969 гг. получили распространение образовательные кредиты, в начале 1970-х гг. их стало еще больше⁸. Один из наших респондентов заметил: «В 1960-е – начале 1970-х гг. студенты университетов легко могли получить деньги на обучение. Это было просто потрясюще. Кто-то учился бесплатно пять, шесть лет; получал работу, еще не успев доучиться; занимал место преподавателя университета, не имея ученой степени. Я поступил в университет в 1974 г., на курсе со мной было 40 человек; в предыдущие два года набирали по 100 человек ежегодно». Примерно с середины 1970-х гг. эти показатели (количество диссертаций, численность членов АСА, кредиты на исследования) начали снижаться, и данная тенденция сохранялась по меньшей мере в течение десятилетия. Количество защищенных диссертаций (в 1976 г. – 734) к второй половине 1980-х гг.

---

⁴ Zukin, DiMaggio 1990; Friedland, Robertson 1990; Swedberg 1993.

⁵ Granovetter, Swedberg 1992; Smelser, Swedberg 1994.

⁶ Историческое введение к сборнику «Социология хозяйственной жизни» [Granovetter, Swedberg 1992: 1–28]; а также статья Р. Сведберга «Новая экономическая социология: что сделано и что впереди?» [Swedberg 1997; см. также перевод: Сведберг 2004].

⁷ В этот перечень не включены авторы, участвовавшие в названных «событиях» лишь эпизодически (А. Робертсон, Ш. Зукин), а также представители более молодого поколения, чьи важные работы были написаны позднее, уже в 1980-е гг. (Б. Керратерс, Ф. Доббин, Б. Уци).

⁸ Детальные данные см. в работе: [Turner, Turner 1990: 138].

уменьшилось до примерно до 500. Численность студентов, специализирующихся по социологии, в 1974 г. превысившая 36 тыс., в 1985 г. сократилась до 12 тыс. [D'Antonio 1992].

Одновременно с увеличением численности учащихся и развитием образовательных кредитов в 1970-е гг. резко возросло число социологических журналов [Hargens 1991]. В их числе был журнал «Теория и общество» [Theory and Society], основанный Алвином Гоулднером [Alvin Gouldner] в 1974 г., который, объединив представителей самых разных течений, претендовал на роль площадки для теоретического и тематического обновления. Выход первого номера этого журнала означал не только конец «старых интеллектуальных парадигм» и вызов со стороны целого спектра «новых парадигм», но и в не меньшей мере стал откликом на текущую политическую ситуацию (нефтяной кризис, Уотергейт). Другие журналы, в частности «Современная социология» [Contemporary Sociology] (1972 г.), публиковали более умеренные отчеты или обзоры, пытаясь объяснить происходящие в производстве процессы диверсификации и структурной трансформации.

В этом контексте количественного роста, политической борьбы и ускоренного академического обновления развивалось множество новых подходов – от различных течений микросоциологии (этнометодологии, символического интеракционизма, феноменологических подходов) до радикальных движений и критических перспектив (неомарксизм, феминизм, тьермондизм), постепенно выведивших на такие направления, как сетевой анализ, историческая социология или неоинституциональные течения в социологии организаций. Эти новые инициативы предлагались исследователями, занимавшими самое разное положение в университетской среде. Одни из них, как, например, Хэррисон Уайт (см. ниже), уже обладали значительным научным капиталом. Другие представляли молодое поколение ученых, родившихся во время или вскоре после войны, чей научный капитал был более скромным, их исследования проводились в контексте подъема «новых левых» и протестных движений, они пришли в эту профессию благодаря упомянутой выше уникальной демографической ситуации, сложившейся в университетах. Многие из них отказывались ограничивать свою работу рамками одной конкретной дисциплины, выступая, напротив, за междисциплинарный подход или даже – как, например, марксисты или феминистки – за подход, который можно квалифицировать как антидисциплинарность. Говорить о «социальной теории» вместо «социологии» и защищать новый тип «социального ученого», как это делал журнал «Теория и общество», стало одним из способов продемонстрировать разрыв с привычными дисциплинарными и прочими границами, которые для этого нового поколения социальных исследователей утратили смысл.

Что касается экономической теории, то здесь 1970-е гг. также ознаменовались развитием множества новых подходов, критикой кейнсианского синтеза. Два течения открыто пересекают границу между экономической теорией и социологией – экономический подход к человеческому поведению (Г. Беккер) и неоинституционализм (О. Уильямсон)⁹. Одновременно получило распространение понятие «экономического империализма»; оно было предложено сторонниками данного течения и затем обрело критический смысл¹⁰.

В условиях «кризиса» традиционных социальных и экономических наук, стремительного распространения новых подходов, более или менее стиравших прежние дисциплинарные границы, и подъема «экономического империализма» и появились первые исследовательские работы, которые позднее – к концу 1980-х гг. – в результате целенаправленного конструирования приведут к рождению «новой экономической социологии», создадут принципиальные точки отсчета для определения и легитимации этого нового дисциплинарного направления.

---

⁹ Книга «Рынки и иерархии» О. Уильямсона вышла в 1975 г. [Williamson 1975], а «манифест» Г. Беккера «Экономический подход к человеческому поведению» – в 1976 г. [Becker 1976].

¹⁰ Программное заявление одного из его сторонников см. в работе: [Tullock 1972]. Впоследствии это выражение было подхвачено в более критическом значении; см., например: [Radnitzky, Berholz 1987].

Разрозненные инициативы

У истоков дисциплины, которая в конечном счете получит название «(новой) экономической социологии», находятся различные инициативы группы «ключевых авторов», входящих в ядро данного движения. Их перемещения позволяют понять одновременно происхождение этого движения и логику академических «предпринимателей», которые в 1985–1994 гг. «заново откроют» «экономическую социологию».

В группу «ключевых авторов» входят три поколения социологов: к первому относятся Чарльз Перроу, Артур Стинчкомб и Хэррисон Уайт, все они защитили диссертации по социологии в 1960 г.; второе поколение включает 20 авторов, которые защитили диссертации в конце 1960-х – 1970-е гг.; наконец, третье поколение представлено 8 авторами, учившимися несколько позднее, нередко – под руководством представителей предыдущего поколения (как, например, Марк Грановеттер или Майкл Шварц). Трех авторов старшего поколения объединяет еще и то, что никто из них не разделял господствовавших в то время функционалистских течений. Они представляют два направления, которые вместе образуют основу новой экономической социологии: социологию организаций, развиваемую Ч. Перроу и А. Стинчкомбом, и сетевой анализ, предложенный Х. Уайтом.

Таблица 1. Перечень ключевых авторов, место и год защиты ими диссертаций, количество взаимных цитирований

Авторы	Место и год защиты диссертации (по социологии, если не указано иное)	Количество взаимных цитирований, кроме автоцитирования, 1980–1990 гг.	Количество взаимных цитирований, кроме автоцитирования, 1991–2000 гг.
Марк Грановеттер [Mark Granovetter]	Гарвардский университет, 1970	86	90
Рональд Бёрт [Ronald Burt]	Чикагский университет, 1977	65	64
Бет Минц [Beth Mintz]	Университет Нью-Йорка в Стоуни-Брук, 1978	57	21
Майкл Юсим [Michael Useem]	Гарвардский университет, 1970	49	28
Хэррисон Уайт [Harrison White]	Массачусетский технологический институт, 1955 (теоретическая физика) и Принстонский университет, 1960	45	44
Чарльз Перроу [Charles Perrow]	Университет Беркли, 1960	44	13
Марк Мизраки [Mark Mizruchi]	Университет Нью-Йорка в Стоуни-Брук, 1980	36	43
Артур Стинчкомб [Arthur Stinchcombe]	Университет Беркли, 1960	33	23
Роберт Иклес [Robert Eccles]	Гарвардский университет, 1979	26	17
Пол Димаджио [Paul DiMaggio]	Гарвардский университет, 1979	25	58
Фред Блок [Fred Block]	Университет Беркли, 1974	21	6
Гэри Гамильтон [Gary Hamilton]	Вашингтонский университет, 1975	16	15
Нил Флигстин [Neil Fligstein]	Университет Висконсин-Мэдисон, 1979	13	30
Чарльз Сейбл [Charles Sabel]	Гарвардский университет, 1987 (управление)	13	9
Пол Хирш [Paul Hirsch]	Мичиганский университет, 1973	12	12

Авторы	Место и год защиты диссертации (по социологии, если не указано иное)	Количество взаимных цитирований, кроме автоцитирования, 1980–1990 гг.	Количество взаимных цитирований, кроме автоцитирования, 1991–2000 гг.
Митчелл Аболафия [Mitchell Abolafia]	Университет Нью-Йорка в Стоуни-Брук, 1981	11	3
Уолтер Пауэлл [Walter Powell]	Университет Нью-Йорка в Стоуни-Брук, 1978	11	31
Уэйн Бейкер [Wayne Baker]	Северозападный университет, 1981	10	23
Николь Биггарт [Nicole Biggart]	Университет Беркли, 1981	8	6
Линда Б. Стернз [Linda B. Stearns]	Университет Нью-Йорка в Стоуни-Брук, 1983	8	21
Алехандро Портес [Alejandro Portes]	Университет Висконсин-Мэдисон, 1970	7	8
Маршалл Мейер [Marshall Meyer]	Чикагский университет, 1967	5	6
Майкл Шварц [Michael Schwartz]	Гарвардский университет, 1971	5	0
Вивиана Зелизер [Viviana Zelizer]	Колумбийский университет, 1977	5	17
Пола Ингланд [Paula England]	Чикагский университет, 1975	3	4
Фрэнк Ромо [Frank Romo]	Йельский университет, 1986	3	4
Ричард Сведберг [Richard Swedberg]	Бостонский колледж, 1978	3	9
Роджер Фридланд [Roger Friedland]	Университет Висконсин-Мэдисон, 1977	2	3
Марк Лазерсон [Mark Lazerson]	Университет Висконсин-Мэдисон, 1985	1	1
Патрик Макгуайр [Patrick MacGuire]	Университет Нью-Йорка в Стоуни-Брук, 1986	0	2
Чарльз Смит [Charles Smith]	Университет Брандейс, 1966	0	5

Примечание. Цифры в таблице показывают, сколько раз каждый автор цитировался за указанный период в статьях других 30 авторов выделенной группы. При построении таблицы была использована база Индекса цитирования в социальных науках [Social Science Citation Index]. Применительно к нашим целям этот Индекс имеет два недостатка: он учитывает не все работы данных авторов, а только их статьи, опубликованные в определенных журналах; при наличии у (цитируемой) статьи нескольких авторов, учитывается имя только первого автора (по алфавиту, если авторы не перечислены в ином иерархическом порядке). Если бы не последнее ограничение, то, например, М. Шварц, чья совместная работа с Б. Минц широко цитировалась с 1980 по 1990 г., в нашей таблице в данный период должен был бы находиться на третьем месте.

Хэррисон Уайт и его наследие

Оглядываясь назад, понимаешь, что главный очаг «возгорания» новой экономической социологии следует искать на вершине американской университетской иерархии, – речь идет об интеллектуальном проекте Хэррисона Уайта, который он разрабатывал в Гарвардском университете начиная с 1960-х гг.¹¹ Почти половина наших ключевых авторов прямо или

¹¹ Именно в рамках курса «Введение в социальные отношения», который Уайт читал в Гарварде с 1965 по 1969 г., он разработал многие понятия своей сетевой теории, именно тогда он привлек многих будущих сторонников «структуралистской» школы.

косвенно связана с Уайтом, причем более молодые социологи, наиболее активно занимающиеся построением новой экономической социологии, почти все являются его учениками (М. Грановеттер, П. Димаджио, М. Шварц)¹².

Х. Уайт (род. в 1930 г.) в свою бытность еще молодым преподавателем, чьи первые опубликованные социологические работы были посвящены математическому представлению отношений подобия [White 1963a], импрессионистской революции [White 1965], социальной мобильности и рынку труда [White 1970], боролся за нетривиальное использование математических методов в социальных науках [White 1963b] и базирование социологии на ином фундаменте, нежели доминировавший тогда функционализм. Будучи по образованию физиком (свою первую ученую степень Ph.D он получил по теоретической физике), он обратился к разрешению социологических загадок и конструированию математических моделей (порою «импортируемых» из физики), которые позволили бы объяснить изучаемую им социальную реальность. В то время как Дж. Коулман, другая важная фигура в области математической социологии, в своей книге «Основы социальной теории» просто привнес традиционный математический инструментарий из микроэкономики [Coleman 1990], Уайт – более изобретательный и амбициозный, менее ориентирующийся на традиционные подходы – похоже, чувствовал себя более свободно в области эмпирических исследований и конструирования моделей, нежели в академических экзерсисах поиска новых теоретических основ (это отчетливо видно из комментариев к его ключевой теоретической работе «Идентичность и контроль» [White 1992]). Тем не менее, он стремился найти новый фундамент для социологии, предлагая «структуралистский» подход, основанный на сетевом анализе и позволяющий преодолеть дихотомию атомистических и холистических трактовок социальной реальности.

Интерес к исследованию экономических объектов возник в данном интеллектуальном проекте не сразу. Члены «гарвардской школы» применяли сетевой анализ к рассмотрению разных проблем: социальной стратификации города (Э. Лауман [Edward O. Laumann]), научных сетей (Н. Маллинз [Nicholas C. Mullins]), сетей взаимных знакомств и разрывов (Н. Ли [Nancy Lee]). Даже М. Грановеттер сомневался, какому направлению посвятить свою диссертационную работу: анализу брачного рынка или рынка труда, остановившись в итоге на втором¹³. При этом сам Уайт довольно давно испытывал интерес к изучению хозяйства: прослушанный им в 1953–1953 гг. курс П. Самюэльсона поселил в нем чувство, что тема хозяйства уведет его в «неверном направлении»: «Я думал, что знаю почему, но в то время это было не более чем интуитивным ощущением»¹⁴. В то же время в некоторых из первых работ Уайта, посвященных цепочкам мобильности, поднималась проблематика рынка, а именно рынка труда. Но лишь к 1975–1978 гг., в связи с организованным им междисциплинарным семинаром по математическим моделям в социальных и биологических науках, Уайт выдвинул новые экономические теории и сформулировал

---

¹² Среди наших ключевых авторов (31 человек) шестеро получили ученую степень в Гарварде (см. табл. 1), из них пятеро являлись аспирантами Уайта (М. Грановеттер, М. Юсим, М. Шварц, П. Димаджио, Р. Иклес); ср.: [Azarian 2003: 213–216]. Второе, более молодое поколение (В. Минц, М. Мизраки, М. Аболафия, Л. Стернз, П. Макгуайр) писали диссертации под руководством учеников Уайта – М. Шварца и М. Грановеттера, когда последние были молодыми преподавателями в университете Нью-Йорка в Стоуни-Брук. Помимо этого, Уайт пользовался огромным влиянием, прямым и косвенным, на многих авторов рассматриваемой группы: Р. Бёрт готовил диссертацию в Чикагском университете вместе с другим учеником Уайта – Эдвардом О. Лауманом. Н. Флигстин познакомился с Уайтом, когда они оба были в Аризоне; У. Бейкер защитил диссертацию в Северо-Западном университете, но регулярно обменивался идеями с Уайтом и некоторыми из его учеников.

¹³ Интервью с М. Грановеттером см. в кн.: [Swedberg 1990: 96–114].

¹⁴ Интервью с Х. Уайтом см. в кн.: [Swedberg 1990: 79].

основы социологического подхода к анализу рынков¹⁵. В конце 1970-х гг. он начал исследовать рынки производителей, а также (совместно с Р. Иклесом) – проблему «цены и авторитета» внутри многодивизионной фирмы. В 1981 г. выходит его знаменитая статья «Откуда берутся рынки?», которую сегодня многие экономсоциологи считают «настоящим краеугольным камнем, заложившим основы данного поля» [из наших интервью. – *авт.*]. Анализируя рынки как социальные структуры или используя в качестве доказательств своих гипотез сложные комбинации «цены» и «авторитета» в транзакциях в рамках фирмы или между фирмами, Уайт и его ученики в своих исследованиях преодолевали традиционное разделение труда между экономистами и социологами, когда экономисты занимались изучением рынка и механизма ценообразования, а социологии – изучением организаций. Несомненно, данная инициатива задумывалась также как ответ на наступление экономистов – например, Г. Беккера, который в тот же период занимался изучением традиционно социологических областей. В одной из своих самых первых статей по социологии рынков, вышедшей в 1978 г., Уайт ясно подчеркнул это намерение: «Беккер и другие экономисты начали изучать социологические проблемы, значит социологи должны заняться изучением проблем экономических»¹⁶.

Оглядываясь назад, гарвардское окружение Уайта можно охарактеризовать как инновационный очаг, нацеленный на возрождение экономической социологии. При этом, если не брать работы самого Уайта, нельзя сказать, что в Гарварде появилось особенно много экономико-социологических работ: из 30 диссертаций, подготовленных по руководством Х. Уайта во время его деятельности в Гарварде (1963–1986 гг.), только работы М. Грановеттера и Р. Икlesa относятся непосредственно к экономической социологии. Можно также упомянуть работы другого ученика Уайта – М. Юсима. Принадлежит к тому же поколению, что Грановеттер и Шварц, Юсим долгое время занимался социологией элит, изучал роль образовательных институтов в их воспроизводстве [Useem, Miller 1975], а также (вместе с П. Димаджио) системы государственной поддержки науки и искусства [Useem, DiMaggio 1978, 1982]. Затем его интересы сместились в сторону изучения хозяйственной элиты, сначала с точки зрения участия ее представителей в неэкономических институтах (таких, как советы администрации музеев), затем – их участия в политической жизни. Юсим выявил существование «внутреннего круга» [inner circle] крупных предпринимателей, которые, по его оценке, образуют политически активный сегмент хозяйственной элиты [Useem 1984].

Группа из Стоуни-Брук

Если первоначально интеллектуальный импульс был задан Х. Уайтом в Гарварде, то наиболее значимые работы первого периода возрождения экономической социологии появились в университете Нью-Йорка в Стоуни-Брук. В иерархии американских университетов Стоуни-Брук очень далеко отстоит от Гарварда¹⁷; это относительно молодой университет (он был основан в 1956 г.), первоначальная функция которого заключалась в подготовке «специалистов в области естественных наук и математики». Программа

---

¹⁵ [Swedberg 1990: 82]. В этом семинаре принимали участие многие экономисты: С. Марлин [Stephen Marglin], Т. Шеллинг [Tom Schelling], М. Спенс [Mike Spence], Р. Зекзаузер [Richard Zeckhauser].

¹⁶ См. работу Уайта «Рынки как социальные структуры», написанную в поддержку объединения Американской социологической ассоциации в 1978 г., упоминается в: [Swedberg 1990: 17].

¹⁷ В рейтинге американских университетов, опубликованном в журнале «US News» (2003), Гарвард стоит на втором месте, в то время как Стоуни-Брук вообще не вошел в перечень 50 сильнейших, оказавшись лишь во второй лиге.

последипломной подготовки по социологии появилась здесь недавно, с приходом в университет новых фигур – в качестве студентов или преподавателей, которым еще предстояло проявить себя. Занимая невысокие позиции в иерархии американских университетов, Стоуни-Брук приглашал молодых преподавателей, у которых все профессиональные успехи были еще впереди и которые в данной академической позиции видели возможность начать свою карьеру, оставаясь при этом в Нью-Йорке.

Значение «школы из Стоуни-Брук» для возрождения экономической социологии, без сомнения, связано с принципиальной ролью, которую сыграли три одновременно работавших там преподавателя: М. Шварц и М. Грановеттер (оба ученики Х. Уайта) и Ч. Перроу, специалист по теории организаций, опубликовавший тогда одну из первых работ, которая содержала серьезную критику экономических подходов к анализу организации¹⁸. Таким образом, в Стоуни-Брук сформировалась группа исследователей, в которую вошли сторонники сетевого анализа и социологи организаций и которая впоследствии станет ядром новой экономической социологии.

По словам многих авторов, М. Шварц пользовался значительным влиянием в Стоуни-Брук. В начале 1970-х гг., когда еще слышались отзвуки социальных движений 1960-х, многие марксистски ориентированные студенты объединились вокруг него, поскольку ему одновременно был идеологически близок марксизм и в научном плане он являлся последователем Х. Уайта и специалистом в сетевом анализе¹⁹. Шварц предложил своим аспирантам темы, связанные со анализом структуры американского капитализма и возможностей финансовых институтов. Последние наработки в методике сетевого анализа, и в частности анализ центрированности сети [centricity], разработанный Филиппом Бонасичем [Bonacich 1972], позволили Шварцу и его аспирантам заняться исследованием переплетенных директоратов [interlocking directorates], т.е. связями между предприятиями, сложившимися в силу того, что в их советы директоров входили одни и те же лица. В 1978–1980 гг. в Стоуни-Брук диссертации на эту тему защитили Б. Минц, М. Мизраки и П. Мариолис [Peter Mariolis]²⁰. В них демонстрировалась центрированность сети американских предприятий, крупных коммерческих банков и нью-йоркских страховых компаний. Эта тема разрабатывается и по сей день двумя социологами, также выпускниками Стоуни-Брук, – Марком Мизраки и Линдой Стернз.

Именно в Стоуни-Брук в конце 1970-х гг. М. Грановеттер опубликовал свои первые теоретические статьи, содержащие критику экономической теории. С того момента, во время своей работы в должности ассистента и доцента в Гарварде, он специализируется на сетевом анализе. Лишь позднее Грановеттер стал защищать принцип социологического подхода к хозяйственным явлениям: сначала в статье, в которой он впервые открыто сопоставил экономический и социологический подходы к предмету, традиционного относимому к сфере хозяйства, – различиям в доходах [Granovetter 1981]; затем – в работе «Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности» [Granovetter 1985], которая

---

¹⁸ См.: [Perrow 1981 (с ответом О. Уильямсона), 1986, 1990]. Например, М. Аболафия строит свои теоретические изыскания, опираясь одновременно на идеи Перроу и Грановеттера; см. введение к кн.: [Abolafia 1996].

¹⁹ В своей книге, написанной на основе диссертации, М. Шварц выражает благодарность, помимо Х. Уайта и нескольких других персоналий, еще многим деятелям и организациям за подсказанные ими идеи: партии «Черная пантера», В.И. Ленину, Мао Цзе-Дуну, К. Марксу, см.: [Schwartz 1976: xi]. Как заметил один коллега: «Ребята из Стоуни-Брук – на самом деле марксисты, решившие заняться сетевым анализом».

²⁰ Результаты исследований легли в основу книг, ставших «классикой» новой экономической социологии: [Mintz, Schwartz 1985; Mizruchi, Schwartz 1987; Mizruchi 1982].

станет «манифестом» новой экономической социологии и вместе с работами его коллеги Чарльза Перроу явится критической реакцией на программу О. Уильямсона. Именно в Стоуни-Брук Грановеттер, вместе с Патриком Макгуайром, начал исследование истории производства и распределения электроэнергии. Эта работа продемонстрировала, что принятие одного конкретного решения (раздел рынка частными фирмами взамен государственной монополии) объяснялось в большей степени социальной структурой индивидуальных связей, нежели экономической эффективностью, что тем самым позволило критически подойти к позициям экономического неоинституционализма.

Впрочем, применение сетевого анализа к хозяйственным явлениям не является исключительной монополией Гарварда и Стоуни-Брук. Параллельно Рональд Бёрт (Чикагский университет) предпринял попытки исследовать связи между советами директоров, однако под иным, нежели М. Шварц и его ученики, углом зрения. Будучи учеником Э. Лаумана, Бёрт в равной мере тяготел к теории рационального выбора (в свое время он также работал ассистентом Дж. Коулмана), нацеленной на пересмотр концепции структурных ограничений через призму социальных сетей [Burt 1982]²¹. В его работе о межорганизационных связях было показано, что эти связи развиваются только при наличии сильного давления со стороны рынка и могут быть интерпретированы как стратегии преодоления этих ограничений [Burt 1983]. Одновременно Уэйн Бейкер (Северо-Западный университет) применил сетевой анализ к изучению социальной динамики биржевых торговых площадок – от Парижской фондовой биржи до опционов в Чикаго. Он показал, что размер и форма конкретных сетей взаимодействия между трейдерами влияют на изменение цены опционов. Позднее он занимался также изучением отношений между компаниями (предприятиями и инвестиционными банками [Baker 1990], предприятиями и рекламными агентствами [Baker, Faulkner, Fisher 1998]). При этом, как мы показали выше, Р. Бёрт и У. Бейкер поддерживали контакты с Х. Уайтом и его окружением.

Неоинституциональные течения в социологии организаций

Сетевой анализ хозяйственных явлений стал ключевым течением новой экономической социологии в период ее становления, другое же ее направление дало начало исследованиям, которые, как показывает ретроспективная оценка, также образуют основу этой дисциплины. Речь идет о социологии организаций. Если сетевой анализ четко ассоциируется со Стоуни-Брук, то инновативные течения в области социологии организаций не имеют такой привязки к конкретному месту, они развивались в разных университетах (Висконсин-Мэдисон, Калифорнии в Беркли, Северо-Западном, Чикагском, Колумбийском, Вашингтонском). М. Грановеттер, продвигая вместе с Р. Сведбергом идеи экономической социологии, отмечал в 1985–1986 гг., что социологи организаций исследуют реальную среду, в которой функционирует хозяйство, а значит, для построения новой экономической социологии с ними необходимо сотрудничать [Swedberg 1987: 14].

Открывая возможности карьеры в бизнес-школах, активно развивавшихся в 1970-е гг., социология организаций воспринималась большинством молодых социологов как область динамичных исследований, позволяющая приблизиться к более реалистичному социально-экономическому миру, по сравнению с тем, что предлагали критические или неомарксистские подходы (которые с того времени пошли на убыль).

«Помню, я считал теорию организаций чем-то чрезвычайно скучным. А люди начали интересоваться ситуационными теориями [contingency theory], идеей о существовании механизмов

---

²¹ В этой работе Бёрт описывает акторов, стремящихся максимизировать для себя полезность, будучи при этом структурно ограниченными своей позицией в сетях, в которые они включены.

рациональной реакции, теорией о том, что бизнес-школы дают образование и делают деньги с помощью менеджеров, потому что те рационально интерпретируют свою среду. В конце 1970-х гг. некоторые начали задумываться об этом. В популяционной экологии утверждалось, что у людей нет выбора, что все дело лишь в эволюционном отборе и характере ресурсов. Джон Мейер [John Meyer] заявил, что дело не в отборе или ресурсах, что все это очень неопределенно и, в сущности, связано с тем, что об этом рассказывают сами люди, иными словами, что дело в экспертизе и легитимации. ...Все начали понимать, что в центр дискуссии следует поместить организации. Например, если вы хотите отказаться в своих аналитических построениях от социального класса (что, собственно, и произошло), – какова возможная альтернатива? Если социальный класс уже не является определяющим принципом классификации индивидов и элементов в современном обществе, то следует от классов перейти к организациям, т.е. от Маркса – к Веберу. Исследователи искали возможность увидеть проблемы в ином, более конкретном ракурсе, вычленив более явные механизмы» [из наших интервью. – авт.].

Несмотря на то что традиционная социология организаций фокусировалась на внутреннем устройстве последних, в частности, на их бюрократической структуре, новые подходы в социологии организаций, появившиеся в конце 1970-х гг., поставили две группы вопросов: о множественности хозяйственных организаций и о типах межорганизационных отношений.

Первый вызов, который социологи организаций бросили неoinституционалистам в экономической теории, опровергая иллюзию о «единственном оптимальном пути» и простой дихотомии «рынок – организация», был связан с анализом функционирования и эффективности иных типов организаций, помимо крупных интегрированных многодивизионных фирм. Следуя изысканиям А. Стинчкомба, продемонстрировавшего, что ремесленная организация производства [craft organization] в определенных отраслях оказывается не менее рациональной и рентабельной, чем бюрократическая организация, многие социологи начали заниматься изучением новых институциональных конфигураций: «итальянских районов» (М. Лазерсон) или, на более общем уровне, «сетей малых фирм» (Ч. Перроу); «харизматических организаций» – таких, как, например, в сфере сетевого маркетинга компания «Tupperware», продающая домашнюю утварь по каталогам (Н. Биггарт); а также «азиатских конгломератов» – японских кейрецу и корейских чеболей (Н. Биггарт и Г. Гамильтон)²². Как отмечали эти авторы, во всех этих случаях учета простых экономических принципов – таких, как экономия от масштаба или трансакционные издержки – недостаточно для того, чтобы объяснить функционирование данных способов организации, оказывающихся весьма эффективными.

Другим вызовом неoinституционалистам в рамках заявленной темы множественности типов эффективности хозяйственных организаций стало объяснение случаев инверсии [les cas inverses], т.е. организационной конвергенции и однородности. Чтобы понять этот институциональный изоморфизм, следовало изменить русло анализа и в качестве объекта избрать не отдельную организацию, а пространство межорганизационных отношений, его возникновение и эволюцию. Подобное изменение перспективы позволило показать, что конвергенция организационных форм объясняется не просто их экономической эффективностью, но сугубо социологическими

---

²² Классическая работа А. Стинчкомба 1959 г. «Бюрократическое и ремесленное управление производством» [Bureaucratic and Craft Administration of Production] переиздана в кн.: [Granovetter, Swedberg 1992]. Работы М. Лазерсона об итальянских районах и Ч. Перроу о «сетях малых фирм» опубликованы в книге: [Swedberg 1993]. Из работ Н. Биггарт см.: [Biggart 1989]; наконец, об азиатском хозяйстве см.: [Hamilton, Biggart 1988; Orrù, Biggart, Hamilton 1997]. Близкие по тематике работы, тоже нацеленные на выявление иных форм хозяйственной организации по сравнению с теми, о которых говорили А. Чандлер и О. Уильямсон, написаны Ч. Сейбелом и М. Пиоре [Sabel, Piore 1984], а также Ч. Сейбелом и Дж. Цейтлином [Sabel, Zeitlin 1997].

механизмами: знанием ограничений (связанных с зависимостью организаций от окружающей среды), когнитивным или культурным миметизмом (вызываемым неопределенностью и, значит, склонностью следовать организационной модели, представляющей наиболее успешной), наконец – нормативным изоморфизмом (связанным с диффузией норм, осуществляемой группами профессионалов-экспертов)²³.

Социокультурный подход

Наконец, можно выявить третье направление исследований – социокультурный подход. Он представлен в первую очередь Вивианой Зелизер, работы которой первоначально были продиктованы нравственным протестом против распространяющихся тенденций маркетинга. Этой темой она начала заниматься в Колумбийском университете, проблема поднималась ею на многих конференциях и обсуждалась в междисциплинарном сборнике статей «Рынки и мораль», в который вошла в том числе и статья «Абсолютизация рынка», написанная научным руководителем Зелизер социологом-функционалистом Барнабасом Барбером [Barber 1977]. Последовательно выполненные Зелизер исследования страхования жизни, «рынка» детей и социального значения денег связаны с интеллектуальным проектом изучения областей, в которых наблюдаются противоречия между рынками и нравственными ценностями [Zelizer 1979, 1987].

Несмотря на то что в конечном счете социокультурный подход окажется интегрированным в процесс академического строительства «новой американской социологии» (см. ниже), он остается несколько маргинальным подходом. Если распределить количество взаимных цитирований внутри нашей группы «ключевых авторов» по методологическим направлениям, видно, что приверженцев сетевого анализа и неоинституционалистов цитируют гораздо чаще – они доминируют с большим отрывом, особенно в 1990-е гг. Представители социокультурного подхода не так многочисленны²⁴, друг друга цитируют мало, и еще меньше их цитируют другие авторы из нашей выборки. Похоже, что работы Вивианы Зелизер играют роль «культурного» противовеса в рамках дисциплины, в которой господствуют в основном формальные и институциональные модели социальных отношений.

Двойственная роль бизнес-школ

Парадоксально, но на стремительном развитии исследований в области экономической социологии позитивно сказался интенсивный переход социологов в бизнес-школы и школы менеджмента. Начиная с 1976 г. условия на рынке труда для молодых социологов – выпускников академических подразделений американских университетов стали крайне неблагоприятными. В 1980-е гг. бизнес-школы активно развивались (произошел «бум MBA», как назвал этот процесс один из наших респондентов) и приняли на работу множество

---

²³ См. особенно работы в сборнике под ред. У. Пауэлла и П. Димаджо: [Powell, DiMaggio 1991]. О распространении «неоинституционализмов» в разных дисциплинах см.: [Hall, Taylor 1996; DiMaggio 1998].

²⁴ Помимо Зелизер, здесь следует упомянуть Ч. Смита и М. Аболафию. Ч. Смит опубликовал работы о трейдерах и осуществлении продаж в рамках аукционов, однако они не пользовались большим влиянием. М. Аболафия также применил этнокультурный подход к исследованию фондовой биржи, но занимался этой тематикой недолго. Только В. Зелизер предложила фундаментальный интеллектуальный проект, представляющий культурно-исторический подход к изучению хозяйства.

социологов, особенно специалистов по теории организаций. И этот процесс стимулировал в 1980-е гг. развитие экономической социологии.

«В середине 1980-х гг. все больше социологов переходило в бизнес-школы. Мы оказывались бок о бок с экономистами, которые порою в штывы принимали нашу работу или попросту игнорировали ее. Пол Хирш рассказывал, что он действовал просто как настоящий антрополог по отношению к “племеню” экономистов, с которыми ему довелось работать, пытаясь выявить их исходные посылки и методы. Кто-то из нас решил, что настало, наконец, время хоть в чем-то одержать над ними верх в изучении хозяйства, и к концу 1980-х гг. среди социологов (многие из которых работали в бизнес-школах) началось заметное движение по возрождению экономической социологии» [из наших интервью. – авт.].

Примерно половина наших «ключевых авторов» преподают или когда-либо преподавали в бизнес-школах или школах менеджмента²⁵. Однако хотя переход в бизнес-школы в свое время и стимулировал развитие экономической социологии, имел место также и эффект «утечки мозгов»: некоторые авторы отказывались, по крайней мере отчасти, от социологических исследований в пользу изысканий в области менеджмента или консалтинговых услуг предприятиям²⁶. Это можно продемонстрировать на примере карьеры У. Бейкера, который, начав с новаторских исследований функционирования «торговых площадок», сегодня наряду с исследовательскими работами публикует «практические руководства» по накоплению «социального капитала»; а также на примере М. Юсима, который после работ о хозяйственных элитах сегодня публикует материалы консультативного характера для руководителей предприятий [Baker 1994, 2000; Useem 1998, 2001].

Развитие экономической социологии в бизнес-школах способствовало смягчению критики, которую вызвали некоторые из первых работ, появившихся в 1970-е гг. Сосредоточившись в своих исследованиях на изучении предприятия, организации внутри- и межорганизационных связей, экономическая социология в бизнес-школах ускорила отмирание критических неомарксистских моделей.

Построение экономической социологии

Поначалу новые попытки анализа экономических вопросов предпринимались в рамках различных интеллектуальных проектов и сосуществовали без выраженных связей между собой. Словосочетание «экономическая социология» еще не использовалось, и анализ

---

²⁵ П. Димаджио и У. Пауэлл работали в Школе менеджмента и исследований организаций в Йеле [School of Organization and Management]; М. Грановеттер – в Стэнфордской бизнес-школе и Высшей школе менеджмента Дж.Л. Келлога при Северо-Западном университете [Kellogg Graduate School of Management]; Р. Иклес (до того, как он учредил консалтинговое агентство) был профессором Гарвардской бизнес-школы; У. Бейкер и М. Мизраки основали Центр исследований общества и хозяйства в бизнес-школе Мичиганского университета [Center for Society and Economy]; М. Юсим возглавляет Центр исследований лидерства и управления изменениями в бизнес-школе Вартона Пенсильванского университета [Center for Leadership and Change Management]; М. Мейер и М. Юсим участвуют в работе Центра экономической социологии и организационных исследований и факультета социологии Пенсильванского университета (PESOS); П. Хирш и Б. Уци преподают в Высшей школе менеджмента Дж.Л. Келлога при Северо-Западном университете; Н. Биггарт – в Высшей школе менеджмента в университете Калифорнии в Дейвисе; Р. Бёрт – в бизнес-школе Чикагского университета и французской INSEAD.

²⁶ По оценке Ч. Перроу, поле исследований организаций «целиком насыщено интересом со стороны бизнес-школ», см.: [Perrow 2000].

взаимных цитирований в нашей выборке ключевых авторов показывает, что внутренних водоразделов было больше, чем общих интересов.

Таким образом, представление о внутренних связях можно получить на основе анализа взаимных цитирований в нашей группе из 31 человека. В первый период (1980–1985 гг.), т.е. до выхода в свет «манифеста» М. Грановеттера, четко выделяются четыре подгруппы (см. табл. в приложении).

- В первую вошли авторы, не имеющие связей друг с другом и не цитирующие в этот период никого (П. Ингланд, Ч. Сейбел, М. Аболафия, Ч. Смит, В. Зелизер) или к этому времени еще не опубликовавшие никаких работ (Ф. Ромо, П. Макгуайр, М. Лазерсон).
- Во вторую – авторы, которые в данный период активно использовали методики сетевого анализа, в первую очередь М. Шварц и объединившиеся вокруг него исследователи из Стоуни-Брук (Л. Стернз, М. Мизраки, Б. Минц), к ним примыкают также Р. Бёрт и У. Бейкер. К этим авторам, которых объединяло использование сетевого анализа, следует добавить и исследователей, связанных с М. Шварцем приверженностью неомарксистскому направлению (Р. Фридланд, М. Юсим, Ф. Блок).
- Третья подгруппа образована авторами, представляющими неинституциональные течения в социологии организаций (П. Димаджио, У. Пауэлл, Н. Биггарт, Г. Гамильтон, Н. Флигстин, Р. Иклес).
- Авторов четвертой подгруппы нельзя отнести к какому-то одному методологическому подходу, скорее они объединены по принципу старшинства или степени своего влияния (Ч. Перроу, М. Грановеттер, А. Стинчкомб, А. Портес, П. Хирш, Х. Уайт и М. Мейер). Их часто цитируют (особенно авторы из третьей подгруппы), при этом сами они друг друга цитируют редко (за исключением разве что Грановеттера, чью роль уже можно сравнить с «федеральным центром»).

Структура цитирований показывает, что представители разных подгрупп не особенно связаны между собой. В частности, авторы из второй подгруппы, в которой взаимных цитирований довольно много, – приверженцы сетевого анализа и (или) марксисты – в первом периоде никогда не цитировали авторов из третьей группы (неинституционалистов).

С этой точки зрения 1985 г. стал переломным. Можно заметить, что начиная с 1986 г. число авторов, цитируемых коллегами из нашей выборки, достигло 19 (пик пришелся на 1986 г. – 23), в то время как в 1981–1985 гг. таких авторов было 12. После 1985 г. тенденция к объединению берет верх: матрица взаимных цитирований становится более плотной, а их структура, «очищенная» методом выявления структурных эквивалентов, не содержит каких-либо устойчивых разделений.

Таким образом, до 1985 г. можно говорить о различных течениях экономической социологии, между которыми существовали редкие связи. Лишь во второй половине 1980-х гг. появляются исследователи, развивающие стратегии перегруппировки и институционализации, в том числе и путем введения общего наименования.

Стратегии институционализации

Среди попыток перегруппировать и переопределить данное исследовательское поле можно выделить несколько типов инициатив. Прежде всего это отдельные эпизоды сотрудничества, зачастую меж- или мультидисциплинарные, которые, впрочем, не были ориентированы на какую бы то ни было стратегию институционализации. Затем появились два институциональных проекта, отчасти конкурирующих между собой: проект Амитаи Этциони [Amitai Etzioni], нацеленный на институционализацию обменов между представителями

разных дисциплин, и проект, отстаивающий, напротив, изначальную приверженность социологии при определенной степени открытости другим направлениям.

В числе мультидисциплинарных эпизодов сотрудничества можно упомянуть специальный выпуск журнала «Теория и общество», подготовленный под редакцией Ш. Зукин и П. Димаджио и посвященный «структурам капитала» (1986 г.). В нем были продемонстрированы амбиции журнала (см. выше) в продвижении «социальной теории» и «обществоведа» нового типа. Подчеркивая совершенно новые аспекты экономических вопросов, его авторы следовали в целом в русле двух течений: неомарксистской традиции политической экономии, представленной в данном случае Ш. Зукин, и «неоинституциональному анализу организаций», реализованному П. Димаджио. Оба этих подхода базируются на посылке о том, что хозяйственные явления «укоренены в социальных неэкономических отношениях» и таким образом опровергают неоклассическую модель в экономической теории. Другой пример такого междисциплинарного сотрудничества – сборник Р. Фридланда и А. Робертсона «За пределами рынка» [Friedland, Robertson 1990]. Он появился по следам (по итогам) конференции, проведенной в 1988 г. в Санта-Барбаре (Калифорния, США), и включал результаты очень разных исследований о рынке, объединенных лишь их критическим отношением к постулатам неоклассической экономической теории и общей целью «переосмысления хозяйства и общества».

Единственной явно выраженной и устойчивой стратегией институционализации данного междисциплинарного проекта стала стратегия А. Этциони, заявившего в 1985 г. о создании «социоэкономики» – «мультидисциплинарной» области, которую в самых общих чертах можно определить как объединение тех, кто при изучении хозяйства стремится учесть и неэкономические переменные. По крайней мере отчасти эта инициатива была продиктована стремлением увязать экономические проблемы с нормативными схемами коммунитаризма [Etzioni 1985, 1986]. Это название распространилось довольно быстро, в том числе и в относительно влиятельной аудитории. В 1988 г. Этциони опубликовал свой «манифест» «Моральное измерение: к новой экономической теории» [Etzioni 1988] и в том же году организовал первую конференцию по «социоэкономике». В следующем году он основал «Общество развития социоэкономики» [«Society for the Advancement of Socio-Economics» (SASE)] – международную ассоциацию, курируемую самими известными исследователями; ее основной задачей являлась организация семинаров и междисциплинарных обсуждений. Однако проект Этциони не получил достаточного отклика в социологическом сообществе.

Понятие и само наименование «экономическая социология» развивались параллельно понятию «социоэкономика», но по иной стратегии, нежели та, которую преследовал Этциони. Предлагая словосочетание «экономическая социология», его сторонники планировали сформировать сообщество социологов, изучающих хозяйство, с целью реконструировать и продвинуть вперед данное направление. Социоэкономика и экономическая социология могут показаться схожими течениями, однако – по крайней мере в некоторой степени – это разнонаправленные проекты, ориентированные на разные исследования: междисциплинарной стратегии Этциони противопоставлена дисциплинарная стратегия сторонников экономической социологии.

Возникновение наименования

Понятие «экономическая социология» появилось лишь в 1980-е гг. Ни в одной из двух статей (Уайта 1981 г. и Грановеттера 1985 г.), которые сейчас, оглядываясь назад, мы называем «первоисточниками», их авторы не указывали на связь своего проекта с экономической социологией. Уайт предлагает увязать («укоренить») «неоклассическую теорию фирмы с социологическим подходом к рынкам» [White 1981: 518]. Он относит свою работу к традиции исследования «несовершенной конкуренции», начатой Э. Чемберленом. Что касается Грановеттера, то он разрабатывал собственный подход, который, по его мнению, следовал в

русле «современной структуралистской социологии» и в целом мог быть назван «исследованием укорененности» [embeddedness approach], или, применительно к хозяйственным явлениям, «исследованием укорененности в анализе хозяйственной жизни» [embeddedness approach to economic life]²⁷. И лишь в самом конце своей статьи Грановеттер указал на необходимость исследования социологами «хозяйственной жизни» и высказал сожаление по поводу того, что они слишком часто пренебрегают «этим огромным и важным срезом социальной жизни и европейской социологической традиции» (имея в виду традицию, идущую от М. Вебера).

Первый опыт использования термина «экономическая социология» остался почти незамеченным. Так была названа серия семинаров, которые Х. Уайт начиная с 1982 г. в течение нескольких лет проводил в Гарварде [Azarian 2003: 201–212]. Немного позднее это словосочетание появилось у А. Стинчкомба, который выпустил книгу «Экономическая социология» (1983 г.). Занимаясь первоначально социологией организаций, Стинчкомб развивает историческую и сравнительную макросоциологию, в которой хозяйственным организациям отводится примордиальная роль. Он избрал термин «экономическая социология» в качестве общего названия для своей книги потому, что последняя являла собой критику неомарксистского направления, включая таких авторов, как Т. Скокпол [Theda Skocpol], И. Валлерстайн [Immanuel Wallerstein], Э.О. Райт [Eric Olin Wright]. Противопоставляя свою работу этим новым течениям, Стинчкомб стремился защитить принципы социологии, ибо, как он считал, предлагаемый им подход позволяет анализировать хозяйственные структуры более детально, нежели это возможно в рамках неомарксистского анализа [Stinchcombe 1983: 255].

Понятие экономической социологии и подразумеваемые им дисциплинарные требования были сформулированы М. Грановеттером, когда в 1985 г. в рамках проведения одного из «круглых столов» он противопоставил «старую экономическую социологию» (которую он отождествлял с индустриальной социологией и работами Т. Парсонса и Н. Смелсера) «новой экономической социологии». По его мнению, «старая экономическая социология» более или менее ушла в прошлое («неожиданно отмерла»), в то время как начали развиваться новые направления, уже без колебаний атаковавшие микроэкономические постулаты: «Я считаю, с микроэкономикой есть фундаментальные проблемы, и новая экономическая социология должна заявить об этом во всеуслышание, особенно в таких ключевых, традиционно экономических областях, как изучение рыночной структуры, производства, ценообразования, распределения и потребления. Проблема микроэкономики заключается в том, что на самом деле акторы не обособлены друг от друга (не атомизированы), как гласит эта теория, но взаимодействуют друг с другом и включены в структуры взаимодействия, причем последние теоретически играют принципиальную роль для того, что мы имеем на выходе»²⁸.

Грановеттер развивает эту точку зрения в своей работе 1988 г., озаглавленной «Старая и новая экономическая социология: история и исследовательская программа»²⁹. В ее исторической части он опирался на работы Р. Сведберга, опубликовавшего в то время программную статью «Парадигма экономической социологии» [Swedberg, Himmelstrand, Brulin 1987] и описавшего историю и возрождение экономической социологии в работе «Экономическая социология: прошлое и настоящее», которая была опубликована в журнале «Современная социология» в 1987 г. [Swedberg 1987] Эти работы позволили Грановеттеру

---

²⁷ [Granovetter 1985: 493]. Иногда применительно к работам У. Домхоффа и М. Юсима о хозяйственных элитах Грановеттер говорит о «социологическом исследовании бизнеса». Книга Б. Минца и М. Шварца [Mintz, Schwartz 1985] квалифицируется им как «новая марксистская литература о “гегемонии” в бизнесе».

²⁸ Это замечание М. Грановеттера (август 1985 г.) приводится в работе: [Swedberg 1997].

²⁹ Опубликована в кн.: [Friedland, Robertson 1990].

встроить свой проект в традицию, отличную от функционализма, к которому принадлежало направление «хозяйство и общество».

Что касается Сведберга (шведского социолога, защитившего диссертацию в США), то он обосновывает использование словосочетания «экономическая социология», ссылаясь на классиков социологии, а также указывая на его четкую соотнесенность с социологической перспективой. Признавая, что в США данный термин никогда не был особенно распространен³⁰, он отмечает, что словосочетание «хозяйство и общество», до того момента использовавшееся для обозначения этой области исследований, более не отвечает поставленной цели. Хотя оно и стало привычным (по материалам Сведберга, в 1984 г. лишь на одной из сорока социологических кафедр читался курс с таким названием), оно тем не менее слишком отчетливо ассоциировалось с парсонсоновской традицией, а также с академизмом и «научной стерильностью». Работа Сведберга, открыто нацеленная на то, чтобы «вернуть экономической социологии статус автономной дисциплины в рамках социологии» [Swedberg 1994: 28], стала решающим шагом для утверждения ее наименования.

Несмотря на то что периодически использовалось и другое название – «социология хозяйственной жизни», именно словосочетание «экономическая социология» получало все большую популярность. В своей работе «Экономическая теория и социология» (1990 г.) Р. Сведберг представил Грановеттера как «ведущего исследователя в области, которую иногда называют “новой экономической социологией”». В коллективной монографии под редакцией Ш. Зукин и П. Димаджио «Структуры капитала» (1990 г.), в которую (наряду с новыми) вошли тексты, ранее опубликованные в упоминавшемся выше специальном выпуске журнала «Теория и общество», эти работы названы общим термином «экономическая социология»³¹.

Таким образом, инициативы Грановеттера и Сведберга привели к появлению легитимного наименования, имеющего надежный исторический фундамент и указывающего на разрыв с парсонсоновской традицией, а также – подчеркивая приверженность социологической дисциплине – на разрыв с критическими или мультидисциплинарными течениями.

Соперничающие определения

То, что термин «экономическая социология» все чаще использовался в качестве общего наименования, не означает согласия по поводу содержания данного проекта. Как раз напротив, поскольку «ключевые авторы» первоначально получили разное образование и придерживались разных методологических направлений, они, принимая этот общий термин, вкладывали в него свой собственный смысл. И в конце 1980-х гг. многие авторы предложили исследовательские программы, конкурирующие между собой³².

Первая попытка определения экономической социологии в данный период принадлежала Р. Сведбергу, У. Химмельштранду и Г. Брулину, опубликовавшим работу, в которой постулатам неоклассической парадигмы систематически противопоставляются постулаты экономической социологии. Сначала они отмечали, что классическая экономическая социология образует сильную теоретическую традицию, которая не получила достаточного развития. Затем,

---

³⁰ За исключением упомянутой выше книги А. Стинчкомба и сборника под редакцией Н. Смелсера: [Smelser 1965].

³¹ См. в частности: [Zukin, DiMaggio 1990: 28].

³² Например, Грановеттер в своей работе: [Granovetter 1988]; он же в соавторстве с Р. Сведбергом во введении к книге: [Granovetter, Swedberg 1992]; В. Зелизер в своей работе: [Zelizer 1988]; Ш. Зукин и П. Димаджио во введении к книге «Структуры капитала»: [Zukin, DiMaggio 1990]; Р. Фридланд и А. Робертсон во введении к книге «За пределами рынка» [Friedland, Robertson 1990].

сославшись на инициативу Парсонса и Смелсера, они характеризовали ее как слишком ограниченную для того, чтобы предложить реальную альтернативу экономическому анализу, а не простое дополнение к нему. Они выделили три задачи зарождающейся «новой экономической социологии»: изучение экономической литературы; отбор экономических проблем, важных для того, чтобы предложить альтернативу экономическому анализу; а также построение неидеологизированных теорий среднего уровня, в которых творческим образом переплетались бы эмпирические и теоретические изыскания [Swedberg, Himmelstrand, Brulin 1987].

Определение экономической социологии, предложенное Грановеттером в его программной статье 1988 г. (1990), наиболее операционально. Оно опирается на практику эмпирических исследований и сформулировано в терминах теории социальных сетей. При этом в нем фиксируется, что актор является «социально укорененным» субъектом, а экономическое действие следует объяснять только в привязке к системе отношений, в которую включен этот актор. Согласно этому определению, институты суть социальные конструкции, создание которых также следует рассматривать в терминах сетевого анализа (как это показывают примеры предприятий иммигрантов, а также отрасли производства и распределения электроэнергии). Макросоциологические понятия исключены из этого определения, равно как и отсылки к политическим условиям и культурной среде³³.

Вивиана Зелизер в своей программной статье 1988 г., адресованной в первую очередь Грановеттеру и другим представителям «социоструктурной школы», обратила внимание на то, что их подход совершенно не учитывает культурные факторы. Признавая полезный вклад «социоструктурного подхода к анализу рынков» (представленного работами Х. Уайта, Р. Бёрта, М. Грановеттера), она высказала сожаление, что это было сделано «за счет культурного измерения». В таком невнимании к проблематике культуры Зелизер видела влияние антипарсонсовианских настроений, на которых и базируется данное течение; но оно также и залог установления диалога между экономистами и социологами, к которому стремился Грановеттер, по крайней мере в начальный период. Подход, предложенный Зелизер, – модель «множественных рынков» – скорее строится от противного: это модель, в равной степени удаленная от того, что она называет «культурным и социоструктурным абсолютизмом».

Ш. Зукин и П. Димаджио в своем введении к книге «Структуры капитала» (1990 г.) развили предложенную Грановеттером идею «укорененности». Они выделили четыре формы укорененности: когнитивную, культурную, социальную и политическую, предложив социологическую программу, которая при этом интегрирует политико-экономические исследования с работами когнитивной или социокультурной направленности.

Поддержка Фонда Рассел-Сейдж

То, что после 1985 г. в социологии произошло размежевание, в частности за счет ослабления позиций критических и антидисциплинарных течений (критической теории, неомарксизма и т.д.), связано в значительной степени с поддержкой начинаний М. Грановеттера и Р. Сведберга Фондом Рассел-Сейдж. В конечном счете успех академических проектов зависит не только от того, приняты ли они университетским сообществом, но и в равной мере от возможности мобилизации внешних ресурсов. В США ключевую роль в этом отношении играют крупные фонды, особенно на первом этапе институционализации новых направлений.

---

³³ Если в последнее время Грановеттер и настаивает на сопоставимости своей модели с аналитическими течениями, учитывающими «принципиальную роль, которую оказывают культурные и политические силы на действия и сети индивидов» [Granovetter 2000: 37], то это происходит в связи с изданием его работ на французском языке и затиханием на сегодня борьбы за определение методологического поля и господство в нем.

Финансовая и символическая поддержка новой экономической социологии Фондом Рассел-Сейдж, несомненно, сыграла решающую роль для ее стремительной институционализации. Вся работа этого нью-йоркского фонда посвящена поддержке поведенческих и социальных наук; в 1980-е гг. он поддерживал проекты в области «поведенческой экономики», а благодаря присутствию в его Совете Роберта Мертон и Нила Смелсера начал поддерживать и социологические инициативы. В рамках проекта, нацеленного на то, чтобы «открыть экономические вопросы поведенческим и социальным течениям», в 1987 г. Фонд установил контакт с М. Грановеттером [Swedberg 1993: 15–16]. Два года спустя (в 1989 г.) Фонд решил поддержать предложенный Грановеттером проект публикации объемного сборника по экономической социологии и организовать семинар, на котором обсуждалось бы реальное состояние дел в данной области. Серия семинаров была проведена в Нью-Йорке в 1990–1991 гг. под руководством М. Грановеттера; на постоянной основе в них принимали участие 16 исследователей из университетов Восточного побережья и Северо-Востока, представлявших разные течения. Некоторые из них получили академические отпуска за счет грантов Фонда.

После этой серии семинаров Фонд Рассел-Сейдж поддержал ряд проектов по экономической социологии и выступил издателем или соиздателем серии публикаций: начиная от сборника материалов семинара под редакцией Сведберга [Swedberg 1993]) и кончая недавно вышедшей коллективной монографией «Новая экономическая социология: развитие формирующегося поля» [Guillén et al. 2002]. Самой важной публикацией, которая внесла наибольший вклад в академическое становление поля и помогла ему стать самостоятельным направлением, стала, конечно же, хрестоматия по экономической социологии под редакцией Н. Смелсера и Р. Сведберга [Smelser, Swedberg 1994]). Этот монументальный труд (более 800 страниц плотного текста) стал ключевым сборником работ. Формально названная хрестоматией, кратко представлявшей результаты серьезных исследований, книга тем не менее стала в большей степени манифестом, перформативным действием, которое фактически дало определение этой дисциплине и сформировало ее³⁴.

Заключение

Как и все вновь возникающие исследовательские области, «новая экономическая социология» является результатом объединения под общим академическим наименованием исследователей, первоначально принадлежавших к весьма различным течениям. Заимствование термина, традиционно использовавшегося европейскими «отцами-основателями», позволило возродить эту традицию, а попутно отмежеваться и от прежнего наименования (традиции «хозяйство и общество», дискредитировавшей себя своей тесной связью с парсонсоновским направлением), и от междисциплинарных течений (таких, как «социоэкономика» А. Этциони), и от антидисциплинарных течений (таких, как неомарксизм), которые в 1980-е гг. сдали свои позиции. Относительное единство «новой

---

³⁴ Не случайно секция экономической социологии Американской социологической ассоциации последовала предметной классификации, предложенной в хрестоматии. Миссия этой секции была первоначально сформулирована следующим образом: «...развивать социологические исследования производства, распределения, обмена и потребления дефицитных товаров и услуг. Для этого обмениваться идеями, информацией, ресурсами среди экономсоциологов; стимулировать исследования, полезные как с теоретической, так и с политической точек зрения; осуществлять подготовку студентов и аспирантов; сообщать результаты исследований заинтересованной аудитории, включая политиков. Экономическая социология – это особая подобласть. Она едина в отношении метода и теории. Экономсоциологи используют весь спектр качественных и количественных методов. Здесь нет одного доминирующего теоретического подхода; это поле вбирает в себя разные течения, оно эклектично и плюралистично».

экономической социологии» связано прежде всего с таким тройным отмежеванием, а не с наличием общей парадигмы или единого интеллектуального проекта.

«Новая экономическая социология» обрела *научную легитимность*, объединив два новых перспективных течения: сетевой анализ и неоинституциональный подход к социологии организаций; к ним примыкает третий, более маргинальный, подход – социокультурный. Структура взаимных цитирований в группе ключевых авторов явно указывает на то, что в первой половине 1980-х гг. между этими подходами было очень мало связей. И если во второй половине 1980-х гг. объем взаимных цитирований, т.е. плотность позитивных, полемических и дипломатических контактов, увеличился, то исследовательская плоскость изменилась в значительно меньшей степени. Читая эти работы, замечаешь, что объединение под одним именем не особенно изменило исследовательские практики, равно как и не стерло линий размежевания между приверженцами сетевого анализа, социологами организаций и последователями этнографического или социокультурного подходов. Скорее, словосочетание «экономическая социология» позволило объединить довольно разномастные исследования и вписать их в классификацию академических дисциплин, таким образом, получив необходимую поддержку для институционализации. Если говорить в международном масштабе, то можно заметить, что за исключением цитирования классиков, особенно Вебера, «новая экономическая социология» построена главным образом на собственных работах, практически без ссылок на неамериканские современные исследования. Например, работы Пьера Бурдьё, рассуждавшего о связях между социологией и экономической теорией с самого начала своих исследований в Алжире, похоже, не оказали на нее заметного влияния, на них обратили внимание разве что совсем недавно³⁵.

Институциональную легитимность новая экономическая социология обрела быстро, благодаря Фонду Рассел-Сейдж. Его мощная поддержка, напоминающая о структурных особенностях американской университетской среды, позволила осуществить процесс, который в Европе развивается значительно медленнее и оказывается гораздо менее сфокусированным. Поразительно, но эта стратегия позволила в кратчайшие сроки институционализировать новое направление при помощи публикации хрестоматии, которая в рамках конвенциональной академической классификации объединила авторов, представляющих почти все методологические течения и все области исследований. Таким образом, понятие экономической социологии является в большей степени институциональным, чем интеллектуальным проектом, это скорее внутридисциплинарная коалиция, нежели особая проблематика или единая инициатива. Однако миссия этого альянса не просто в отделении от других течений в рамках социологии. То, что происходит внутри университетских дисциплин, невозможно понять, просто анализируя акты непосредственного взаимодействия между индивидами, связанными между собой сетями взаимных знакомств. Становление «новой экономической социологии» в равной степени напоминает и о том, что следует учитывать структурные условия, в которых осуществляются эти взаимодействия. Среди структурных ограничений здесь имел место морфологический эффект – иными словами, эффект перепроизводства дипломов в 1970-е гг., сопутствовавшая ему сильная тематическая и теоретическая дифференциация, а также стратегии объединения, выкристаллизовавшиеся к концу 1980-х гг. и отчасти обусловленные неолиберальным поворотом, зарождающимся «империализмом» со стороны экономистов и новыми возможностями, которые появились с распространением бизнес-школ.

Учитывать этот контекст означает не просто обратить внимание на структурные факторы, но и задуматься о более реалистичном и точном объяснении стратегий акторов, а в конечном счете – о возможностях и перспективах их проекта. Если в результате нам кажется, что «новая экономическая социология» заняла особую нишу в рамках современной социологии,

---

³⁵ См., в частности: [Swedberg 2003].

то это не просто в силу ее признания в качестве самостоятельной специализации. Содержание новых специализаций в рамках дисциплин, автономия которых по меньшей мере относительна, зависит также и от значения, которое данные специализации могут иметь за рамками этих дисциплин. Отказавшись от иллюзии автаркии и различия микросоциологических моделей, ограниченных внутридисциплинарной динамикой («миграцией» исследователей и «гибридизацией» ролей), следует учесть и положение – реальное или потенциальное, – которое данные специализации займут в системе дисциплин и, в более широком смысле, в социальном пространстве. В конечном счете экономическая социология отличается от многих иных областей социологических исследований тем, что она выполняет (по крайней мере, потенциально) две ключевые функции, обеспечивающие ей стратегическую позицию в рамках социологии. С одной стороны, она противостоит парадигме, доминирующей в социальных науках, стремясь быть в курсе достижений экономической науки и оперировать моделями рационального актора. В отличие от некоторых более ранних случаев противостояние экономической теории и экономистам уже не является сугубо внешним или метатеоретическим, не предполагает сугубо моральных следствий или эпистемологических посылок относительно экономических моделей. Вместо этого экономическая социология вступает на само поле экономической теории, поле экономических структур и процессов, и ставкой в этой игре выступает эмпирическая обоснованность формулировок и их объясняющая ценность. С другой стороны, эти амбиции идут рука об руку со стремлением по-новому поставить вопросы, лежавшие в основе общественной дискуссии с момента экономического кризиса 1970-х гг. и всплеска неолиберализма. Политическая или гражданская уместность социологического анализа рынков, роли финансов, процессов дерегуляции или глобализации придает экономической социологии совершенно особое звучание, – далеко выходящее за ограниченные рамки анализа экономических проблем, принятого в сегодняшних университетах.

Литература

- Abbott A.* Chaos of Disciplines. Chicago: Chicago University Press, 2001.
- Abolafia M.Y.* Making Markets. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996.
- Azarian R.* The General Sociology of Harrison White // Ph.D. dissertation. Department of Sociologie. Stockholm University, 2003.
- Baker W.E.* Market Networks and Corporate Behavior // American Journal of Sociology. 1990. Vol. 96. No. 3.
- Baker W.E.* Networking Smart: How to Build Relationships For Personal and Organizational Success. N.Y.: McGraw-Hill, 1994.
- Baker W.E.* Achieving Success Through Social Capital: Tapping Hidden Resources in Your Personal and Business Network. San Fransisco: Jossey-Bass, 2000.
- Baker W.E., Faulkner R.R., Fisher G.A.* Hazards of the Market: The Continuity and Dissolution of Interorganizational Market Relationships // American Sociological Review. 1998. Vol. 63. P. 147–177.
- Barber B.* Absolutization of the Market: Some. Notes on How We Got from There to Here // Markets and Morals / Ed. by G. Dworkin, G. Bermant, P.G. Brown. Washington: Hemisphere Pub. Corp., 1977. P. 15–31.
- Becker G.S.* The Economic Approach to Human Behavior. Chicago: University of Chicago Press, 1976.
- Biggart N.W.* Charismatic Capitalism. Chicago: Chicago University Press, 1989.
- Bonacich P.* A Technique for Analysing Overlapping Memberships // Sociological Methodology / Ed. by H. Costner. San Fransisco: Jossey-Bass, 1972.

- Bourdieu P.* Vive la crise! For Heterodoxy in Social Science // *Theory and Society*. 1988. Vol. 17. P. 773–788.
- Bourdieu P.* *Science de la science et réflexivité*. Paris: Editions Raisons d’agir, 2001.
- Burt R.* *Toward a Structural Theory of Action: Network Models of Social Structure, Perception and Action*. N.Y.: Academic Press, 1982.
- Burt R.* *Corporate Profits and Cooptation: Networks of Market Constraint and Directorate Ties in the American Economy*. N.Y.: Academic Press, 1983.
- Coleman J.S.* *Foundations of Social Theory*. Cambridge, Mass.: Belknap Press of Harvard University Press, 1990.
- D’Antonio W.* *Recruiting Sociologists in a Time of Changing Opportunities // Sociology and Its Publics / Ed. by T. Halliday, M. Janowitz*. Chicago: University of Chicago Press, 1992. P. 99–136.
- DiMaggio P.* *The New Institutionalisms // Journal of Institutional and Theoretical Economics*. 1988. Vol. 154. No. 4. P. 696–705.
- Etzioni A.* *Toward Socio-Economics // Contemporary Sociology*. 1985. Vol. 14. P. 178–179.
- Etzioni A.* *Founding a New Socio-Economics // Challenge*. 1986. Vol. 29. No. 5. P. 475–482.
- Etzioni A.* *The Moral Dimension: Toward a New Economics*. N.Y.: Free Press; L.: Collier Macmillan, 1988.
- Friedland R., Robertson A.F.* (eds.). *Beyond the Marketplace*. N.Y.: Aldine de Gruyter, 1990.
- Gislain J.-J., Steiner P.* *La sociologie économique (1890–1920)*. Paris: PUF, 1995.
- Granovetter M.* *Towards a Sociological Theory of Income Differences // Sociological Perspectives on Labor Markets / Ed. by I. Berg*. N.Y.: Academic Press, 1981.
- Granovetter M.* *Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddness // American Journal of Sociology*. 1985. Vol. 91. No. 3. P. 481–510. См. также перевод: *Грановеттер М.* Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности // *Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев; пер. М.С. Добряковой и др.* М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 131–158.
- Granovetter M.* *The Old and the New Economic Sociology: A History and an Agenda // Beyond the Marketplace: Rethinking Economy and Society / Ed. by R. Friedland, A.F. Robertson*. N.Y.: Aldine, 1990. P. 89–112.
- Granovetter M.* *Le marché autrement*. Paris: Desclée de Brouwer, 2000.
- Granovetter M., Swedberg R.* (eds.). *The Sociology of Economic Life*. Boulder: Westview Press, 1992.
- Guillén M.F. et al.* *The New Economic Sociology: Developments in an Emerging Field*. N.Y.: Russell Sage Foundation, 2002.
- Hamilton G., Biggart N.W.* *Market, Culture and Authority: A Comparative Analysis of Management and Organization in the Far East // American Journal of Sociology*. 1988 (supplement). Vol. 94. P. 52–94.
- Hargens L.* *Impressions and Misimpressions About Sociology Journals // Contemporary Sociology*. 1991. Vol. 20. P. 343–349.
- Heilbron J.* *A Regime of Disciplines: Toward a Historical Sociology of Disciplinary Knowledge // The Dialogical Turn: New Roles for Sociology in the Postdisciplinary Age / Ed. by C. Camic, H. Joas*. Lanham: Rowman & Littlefield, 2004. P. 23–42.

- Hall P., Taylor R.* Political Science and the Three New Institutionalisms // *Political Studies*. 1996. Vol. 44. P. 936–957.
- Mintz B., Schwartz M.* The Power Structure of American Business. Chicago: Chicago University Press, 1985.
- Mizruchi M.* The American Corporate Network, 1904–1974. Beverly Hills: Sage, 1982.
- Mizruchi M., Schwartz M.* (eds.). *Intercorporate Relations: The Structural Analysis of Business*. N.Y.: Cambridge University Press, 1987.
- Orrù M., Biggart N.W., Hamilton G.* The Economic Organization of East Asian Capitalism. L.: Sage, 1997.
- Perrow C.* Markets, Hierarchies and Hegemony: A Critique of Chandler and Williamson // *Perspectives on Organization Design and Behavior* / Ed. by A. van de Ven, W. Joyce. N.Y.: John Wiley, 1981.
- Perrow C.* Economic Theories of Organizations // *Perrow C. Complex Organizations*. 3rd ed. N.Y.: Random House, 1986; работа перепечатана также в специальном выпуске журнала «Теория и общество»: *Theory and Society*. 1986. Vol. 15. P. 11–45; и сборнике, опубликованном по материалам этого выпуска: *Zukin S., DiMaggio P.* (eds.). *Structures of Capital: The Social Organization of the Economy*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1990. P. 121–152.
- Perrow C.* An Organizational Analysis of Organizational Theory // *Contemporary Sociology*. 2000. Vol. 29. No. 3. P. 469–476.
- Powell W., DiMaggio P.* (eds.). *The New Institutionalism in Organizational Analysis*. Chicago: University of Chicago Press, 1991.
- Radnitzky G., Berholz P.* (eds.). *Economic Imperialism. The Economic Approach Outside the Field of Economics*. N.Y.: Paragon House Publishers, 1987.
- Sabel C.F., Piore M.J.* The Second Industrial Divide: Possibilities for Prosperity. N.Y.: Basic Books, 1984.
- Sabel C.F., Zeitlin J.* (eds.). *World of Possibilities: Flexibility and Mass Production in Western Industrialization*. Paris: Maison des sciences de l'homme; Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
- Schwartz M.* Radical Protest and Social Structure. N.Y.: Academic Press, 1976.
- Smelser N.* Readings on Economic Sociology. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall, 1965.
- Smelser N.J., Swedberg R.* (eds.). *The Handbook of Economic Sociology*. Princeton: Princeton University Press; N.Y.: Russell Sage Foundation, 1994.
- Stinchcombe A.* Economic Sociology. N.Y.: Academic Press, 1983.
- Swedberg R.* Economic Sociology: Past and Present // *Current Sociology*. 1986. Vol. 35. No. 1. P. 1–221.
- Swedberg R.* On Economic Sociology. An Interview with Mark Granovetter (1985/86) // *Research Report*. Department of Sociology. Uppsala University, 1987.
- Swedberg R.* Economics and Sociology: Redefining their Boundaries. Conversations with Economists and Sociologists. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1990.
- Swedberg R.* (ed.). *Explorations in Economic Sociology*. N.Y.: Russell Sage Foundation, 1993.
- Swedberg R.* Une histoire de la sociologie économique. Paris: Desclée de Brouwer, 1994.
- Swedberg R.* Markets as Social Structures // *The Handbook of Economic Sociology* / N. Smelser, R. Swedberg (eds.). Princeton: Princeton University Press, 1994. P. 255–282.
- Swedberg R.* New Economic Sociology: What Has Been Accomplished. What is Ahead // *Acta Sociologica*. 1997. Vol. 40. No. 2. P. 161–182. См. также перевод: *Сведберг Р.* Новая

экономическая социология: что сделано и что впереди? // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев; пер. М.С. Добряковой и др. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 111–130.

- Swedberg R.* Principles of Economic Sociology. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2003.
- Swedberg R., Himmelstrand U., Brulin G.* The Paradigm of Economic Sociology // Theory and Society. 1987. Vol. 16. P. 169–213.
- Tullock G.* Economic Imperialism // Theory of Public Choice / Ed. by J. Buchanan, R. Tollison. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1972. P. 317–329.
- Turner S., Turner J.* The Impossible Science: An Institutional Analysis of American Sociology. L.: Sage, 1990.
- Useem M.* The Leadership Moment: Nine True Stories of Triumph and Disaster and Their Lessons for us All. N.Y.: Random House, 1998.
- Useem M.* Leading Up: How to Lead Your Boss So You Both Win. N.Y.: Random House, 2001.
- Useem M., Miller S.M.* Privilege and Domination: the Role of the Upper Class in American Higher Education // Social Science Information. 1975. Vol. 14. P. 115–145.
- Useem M., DiMaggio P.* Social Class and Arts Consumption: The Origins and Consequences of Class Differences in Exposure to the Arts in America // Theory and Society. 1978. Vol. 5. P. 141–161.
- Useem M., DiMaggio P.* The Arts in Class Reproduction // Cultural and Economic Reproduction in Education / Ed. by M. Apple. L.: Routledge & Kegan Paul, 1982.
- Useem M.* The Inner Circle: Large Corporations and the Rise of Business Political Activity in the U.S. and U.K. N.Y.: Oxford University Press, 1984.
- White H.C.* An Anatomy of Kinship: Mathematical Models for Structures of Cumulated Roles, Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1963a.
- White H.C.* Uses of Mathematics in Sociology // J.C. Charlesworth (ed.). Mathematics and the Social Sciences. Philadelphia: American Academy of Political and Social Science, 1963b.
- White H.C. (with Cynthia White).* Canvases and Careers: Institutional Change in the French Painting World. N.Y.: John Wiley and Sons, 1965.
- White H.C.* Chains of Opportunities: System Models of Mobility in Organizations. Harvard: Harvard University Press, 1970.
- White H.C.* Where Do Markets Come From ? // American Journal of Sociology. 1981. Vol. 87. No. 3. P. 517–547.
- White H.C.* Identity and Control: A Structural Theory of Social Action. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1992.
- Williamson O.E.* Markets and Hierarchies, Analysis and Antitrust Implications: A Study in the Economics of Internal Organization. N.Y.: Free Press, 1975.
- Zelizer V.* Morals and Markets: The Development of Life Insurance in the United States. N.Y.: Columbia University Press, 1979.
- Zelizer V.* Pricing the Priceless Child: The Changing Social Value of Children. N.Y.: Basic Books, 1987.
- Zelizer V.* Beyond the Polemics on the Market: Establishing a Theoretical and Empirical Agenda // Sociological Forum. 1988. Vol. 3. P. 614–634.
- Zukin S., DiMaggio P.* (eds.). Structures of Capital. The Social Organization of the Economy. Cambridge: Cambridge University Press, 1990; ранее опубликована в специальном выпуске журнала «Теория и общество»: Theory and Society. 1986. Vol. 15. P. 1–10.

Приложение. Взаимные цитирования [в группе ключевых авторов], 1980–1985 гг.

	1	9	24	26	23	16	31	15	5	29	4	6	2	18	19	11	25	7	13	8	3	22	28	10	20	12	27	21	14	30	17			
	Аббафия	Игланд	Сейбел	Смит	Ромо	Максуайр	Зелигер	Лаврсон	Стерн	Юсим	Блок	Бёрг	Бейкер	Минц	Мизраки	Фрицланд	Шварц	Димаджио	Гамльтон	Икес	Бигг	Паул	Сведберг	Флиг	Перр	Грановеттер	Стинч	Порт	Хирш	Уайт	Мейер			
1	Абол																																	
9	Ингл		17																															
24	Сей			7																														
26	Смит				4																													
23	Ромо																																	
16	Мак																																	
31	Зел						2																											
15	Лаз																																	
5	Стер																																	
29	Юсим								26	2	1			3	2																			
4	Блок			3						8						1		2								1								
6	Бёрг								1			73																		1	1			
2	Бейк	2										1	4													2					1			
18	Минц								3	1	2			8	7																			
19	Миз								2		3			5	7											1	1					2		
11	Фри								1		2			3		12										1								
25	Шва								1	6	1	4		14	9		1																	
7	Дим																	11					2											
13	Гам																		3		3													
8	Икл																				3													
3	Бигг																																	
22	Пау																	2																
28	Свед																																	
10	Флиг																	1						1										
20	Перр																									7	1							
12	Гран																										8						2	
27	Стинч																												6				1	
21	Порт																																	
14	Хирш																															3		
30	Уайт																																3	
17	Мей																									1		2						11

Данные о взаимном цитировании получены в результате обработки Индекса цитирований в социальных науках. Мы использовали метод CONCOR в программе Ucinet для математического анализа сетей в нашей матрице «ключевых авторов». Этот метод позволяет выявить «структурные эквиваленты» согласно сетевой теории, т.е. разбить матрицу на подгруппы (в нашем случае – четыре), объединяя индивидов, которые не обязательно связаны между собой, но включены в одни и те же сети; иными словами, в нашем случае это индивиды, которые цитируют авторов из этой же подгруппы и сами цитируемы ими. После такого разбиения была выстроена квадратная блочная матрица [blocked matrix], в которой значение на пересечении столбцов и строк (где строки указывают источник, т.е. цитирующего автора, а столбцы – направление, т.е. цитируемого автора) показывает количество связей между двумя данными индивидами. Здесь мы учитываем также случаи автоцитирования.

Пример чтения матрицы: Юсим (второй блок, строка «Юсим») в своих статьях 1980–1985 гг. цитировал: самого себя – 26 раз, Блока – 2, Бёрта – 1, Минц – 3, Мизраки – 2, Димаджио – 2, Грановеттера – 1 раз. Его цитировали (столбец «Юсим»): он сам – 26 раз, Бёрт – 1, Минц – 3, Мизраки – 2, Фридланд – 1, Шварц – 6, Димаджио – 1, Пауэлл – 1, Грановеттер – 1 раз.